

Только эхо неслось в Маркопаты,*)
 Да звенела по камням брулетка.
 Тверд гранит, гнет бесжалостно лом,
 Надрываясь, стонет бедняга казак,
 Уж, заметен в душе у него перелом...
 Отступать-же не хочет разведка — назад...
 Разве камень взрывать мы стремились сюда?
 Понеслись голоса по шеренге...
 Где земля? Королевич! Веди нас туда!..
 А за труд заплати ты нам деньги!..
 Завопил Королевич: Какая земля?
 Да вы, что? Оболдели, Ей Богу!..
 Земли хватит для всех, не болтайте вы зря!..
 А кончайте-ка лучше дорогу!..
 Так сидели дней семь, ожидая земли
 И уплаты за труд наш — казачий.
 Как младенцы, царица, все верили мы,
 А он дал нам как раз...
 Через семь ровно дней прилетает Петро,
 И кричит с Василем, зная, „дуэтом“:
 Подождите, мерзавцы, покажем не-то!..
 А теперь, марш в тайгу!.. Пока лето!..
 Ни олова, ни мула, — погнажи пешком...
 200 верст все по безднам и горам, —
 По оврагам тянулась разведка гуськом...
 Эх, Кубань... Запевали все хором.
 Шли, ползли, наконец и привали...
 Говорят, мы припли, Слава Богу!..
 Один ужас кругом, каждый шепчет: пропал!
 Повалившись в грязь, проклиная дорогу.
 А спустя дня два, три, побросав нас в тайге,
 Разлетелся — наше начальство...

Отдохнув, подостали кривые ножи,
 Кто топор, кто пилу, кто мачету...
 И рубили на-чисто, от межи, до межи,
 Подсушив, поджигали дрянь — эгу.
 Не страшны, ни укусы вампиров были,
 Ни других насекомых плеяды,
 Дни за днями, недели вперед все плыли...
 В результате — осилили яды...
 Все препятствия были ничто казакам,
 Но, столкнувшись с всемогущей природой,
 Повалилась разведка, кто здесь, а кто там,
 И прощались в слезах со свободой!..
 Крики страданий и вопли в бреду,
 Разносились эхом в Монтанью...
 А ответом — ночами рев зверя в лесу,
 Давал знать о своем нетерпеньи.
 Разведчик, валяясь на голой земле,
 Вопит: братец-станичник, не дай умереть!..
 А от братцев остались лишь тени одне,
 Жив иль нет, трудно было порой рассмотреть.
 Так лежали три месяца, пытки терпя...
 Больные, врача нет в помине.
 Королевич кричит: Так в нужно чертям!..
 Пусть спасет генерал, ведь он в Лиме!..

Наконец, вспомнил клятву свою атаман,
 Пожалел он губить — Дон-Кубани детей.
 Он стрелой полетел на Монтанью к нам,
 И заплакал, увидя страданья людей.
 Да забыл я про землю еще рассказать,
 Что на двадцать гектаров очистили мы,
 Поспешили засеять, рассад насажать,
 И овец завели, и постройки были.
 Не напрасно назвал Королевич тайгой
 Наши земли, куда он нас сплавил...
 Заливная земля, климат жаркий, большой,
 Он, на верную смерть нас отправил...
 На сто верст вокруг нас
 Не живет ни души, только горы да лес
 окружают...
 Никаких нет дорог, есть в лесах лишь —
 пролаа...
 Меж лиан, что Монтань обвивают.

И в году все сто дней льют дожди день и ночь...
 Отрезая весь мир от Монтаньи,
 А река, разлившись, свесла прочь
 Все казачьи труды и старанья.
 Посмотрел генерал, покачал головой,
 Обозвал инженера мерзавцем...
 В направлении на Тамбо повез нас „домой“...
 Разорвав отношения с „продавцем“...
 И до сих еще пор все больные лежим,
 Думу думаем, как бы снастися...
 Не закончен наш долг, косему не бежим...
 Мы хотим со всем миром снастися!..
 Ведь Америка южная так велика,
 Что найти здесь искомое можно,
 Генерал снова наш, а сним „права рука“ —
 Поведут уж теперь осторожно!..
 Ошибается тот, кто работает век...
 Ошибаются все, и министры...
 И наш — батяно не Бог, а простой человек...
 Он мог — тоже легко ошибиться!..
 Осталось меньше ждать, мы исполним свой
 долг!..

Еще месяца два — напряженья...
 И увидим в Америке, наших — „дедов“!..
 Это выполним мы, вне сомненья!..
 Не хочу я сказать: что будет в Перу...
 Может сядем в другом государстве...
 Апуримак совсем ведь я в счет не беру,
 Говорю о всем южном пространстве!..
 Мы пережили много страданий и мук...
 Измены, болезни и холод...
 Но, разведка казачья не вешает рук!..
 И не страшен уж нам теперь голод!..
 А так то подумать, не все-ли равно,
 Где кости оставить казачьи?..
 Вернуться на родину нам не дано!..
 Жизнь вести надоело собачьей...
 Вот и все, что осталось в удел...
 Найти родину, стать хуторами...
 Собирайтесь всем здесь, да и всяк — свой
 надел, —
 Культивируя — править дворами.
 Распростаться придется с Европой нам...
 Десять лет ей — все строили хаты...
 Еще хуже, — забавой служили панам...
 За поповско — спасибо, без платы...
 Десять лет развлекаем всех мы — казаки, —
 Джигитуем, поем и танцуем...
 Лишь намек о земле, — кричат: Марш в
 батраки!..

Мы довольно и так вас балуем. —
 Вот теперь и живи в атмосфере такой,
 Поневоле махнешь в океанскую даль...
 Десять лет проплясали, — пора на покой...
 Кто не хочет, не надо, что отсюда — мораль!..

Ст. писарь Апуримак, станицы Д. Ветров.

Из жизни калмыков в Лионе.

В местечке Десине, под старинным городом Лио-
 ном, в районе шелковых фабрик, снабжающих шелками
 всех сартов не малую долю мира, живет и работает
 нас, калмыков, около 150 человек. Не будет преувели-
 чением, если сказать, что эта колония самая большая
 из всех калмыцких колоний во Франции. Наряду с до-
 быванием хлеба насущного, кое-как теплится здесь и
 жизнь общественная. Есть „Калмыцкий хутор“, есть
 небольшой хор, получаем и следим за Калмыцко-Ка-
 зачьей печатью; все случаи общего, национального
 характера стараемся проводить сообща, организованно.
 В последних номерах „Вольного Казачества“ мы
 с удовольствием и интересом прочитали о том, как
 проводили наш праздник „Цаган“ наши братья в Чехии
 и Сербии. Вот и мне, хоть несколько запоздало, хоте-
 лось тоже поведать моим братьям, что и мы живем и
 не забываем наши национальные обычаи, закопы ре-
 лигии и народной традиции.

Для организации праздника мы произвели добро-
 вольный взнос на наем помещения, на проезд из Нан-

*) Маркопаты — провинция, лучше нашей, где осе-
 ла группа г. Лысенко.

Хор калмыцкого хутора в Десине.

та Бакши Нимбушева для совершения праздничной службы — всенощной и накрытия традиционного стола в пр.

Молебен бакши, созерченный по всем требованиям Буддийской религии, у многих из нас вызвал воспоминания о родных станицах, где такозые совершались в переполненном храме, полным составом духовенства. Бакша Нимбушев, при помощи своих товарищей Гилюнов: Шандрюнова, Харцогонова, Андреева и Бадмаева, своей проникновенной службой сумел и в адских, ненормальных условиях создать полную иллюзию и соответствующее настроение у молящихся, которых было так много, что некоторым пришлось стоять на дворе.

По окончании службы, ранней зарей, бакша открыл праздник, поздравил мирян с радостным событием, с победой добра над злом, символ чего празднуется в этот день. Песенники Кавринов и Чулькин с традиционной песней поднесли бакше первую чашку чая. Дальше праздник пошел по обычному руслу, с неизбежными визитами, танцами и песнями и т. д. На второй день устроили банкет, на котором говорилось много речей, теплых и хороших речей... Музыканты — В. Пуринов, Умадыков, Мосеев и Саранов дали возможность вдоволь потанцеваться и повеселиться.

15 марта, в Лионе устраивался концерт в пользу нуждающихся детей эмиграции. Калмыцкий хутор был приглашен к участию, и мы сочли необходимым помочь и выступали на концерте со своим хором и танцорами. Хорошо спевшийся хор, под управлением Учур-Алексеева, своим прекрасным исполнением старинной калмыцкой песни, с ее мягким, слух чарующим, плавным мотивом вызвал у слушателей восторженный прием. Танцоры тоже имели явный успех, выразившийся в дружных аплодисментах и повторных вызовах.

Так выполнили мы долг перед детьми эмиграции. Наш маленький хор, наш кружок танцоров думаем дальше развивать, думаем поставить какую-нибудь сцену из калмыцкой жизни. Хутор наш, под умелым руководством атамана Санжи Балданова, растет, ширится; у граждан нашего хутора ключом бьет проснувшееся национальное самосознание. Вот так живем мы в ожидании часа, когда будет освобождена Божьей и нашей волей наша родина, наши родные степи, где сейчас царит произвол над душой и телом народов Казаккии.

Бадма Иванов. (Десине).

Пасха у казаков в Томашеваце.

Праздник Христова Воскресения группа казаков Есауловцев, во главе со своим атаманом, встречала и провожала в селе Томашеваце (Банат). Встреча была почти такая же, как и в прошедших годах. В этот столь радостный и великий день, казаки подали руку другу другу и, обнявшись па братски, приветствовали один

другого радужным Христос Воскресе — Воистину Воскресе!

Вот они уже десятый год вместе, в одном и том же селе встречают по своему по-казачьему эти Великие дни. В душе их грусть и тоска по далекой родине, по своему родному краю, где у многих остались дети, жены, матери и отцы. Как и всегда, казаки тепло выражали наилучшие пожелания на скорое свидание с родными, оставшимися на родине.

Ранним весенним утром, когда раздался Пасхальный звон, здесь в местной Сербской церкви, не слыша звука своего родного колокола, казакам стало тяжело и скорбно, но Слава Богу, что живем все же в православной стране и имели возможность пойти помолиться в Сербскую церковь, встретить этот наш торжественный праздник.

На второй день Пасхи приехали казаки Верхне-Курмоярцы и Кубанцы из соседнего села Орловата, которые были исключительно из рядов Вольного Казачества. После прочтения массы поздравлений, казаки переходят к рюмке водки. Первый тост произносит И. Ф. Темиреев за обоюдное казачье Христос Воскресе, смелое громким и долго не смолкаемым „ура“ вольным казакам; второй тост за Дон широкий, Кубань вольную и Терек бурный поднял Ф. М. Чернов — кубанец. И много, много чередовалось тостов, в которых больше всего упоминались свобода и независимость Казачества. Потом, как всегда, перешли к родным казачьим песням, так роднящим казаков на чужбине. Так радостно, и вместе грустно, кончили казаки праздник на чужбине.

Г. Алферов.

К кубанцам...

В единении сила!
(Письмо в редакцию).

Это так старо и так понятно, что о нем распространяться не приходится. Но в наши горькие годы изгнания — это как то не всеми усваивается.

К Вам, братья Кубанцы, мы обращаем свой взор... Наг во Франции до 1.000 человек. И кого же? Ушел за границу весь здоровый казачий люд. В цветущих годах ушли за границу строевые казаки целыми полками и со своими офицерами. Ушли с ними все Кубанские герои-вожди. Ушли даже старшки, жены, дети...

И вот нас во Франции до 1.000 кубанских казаков, — здоровых, крепких и сильных — вкушивших и сладость привольной, мирной жизни на родной Кубани-матери и переживших всю тяжесть смуты и войны, потерявших и хозяйство и семью и широкие, богатые станицы и Родну... Оросив все это горе своей кровью казачьей алой да родными слезыньками горючими...

Тернистый путь пройден. Горе переполняет все наше существо... Восхода зореньки не видно... Кругом